

МАРИНА М. КОПРИВИЦА¹
НЕЗАВИСИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
НИКШИЧ
ЧЕРНОГОРИЯ

ПЕРСОНАЖИ ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РОССИИ XVIII–XXI ВВ.)

АННОТАЦИЯ. В свете внешнего подхода к изучению литературы, связь исторических событий с появлением литературных произведений, тем и литературных героев явно присутствует в истории русской литературы под сильным впечатлением социальных обстоятельств в России с восемнадцатого по двадцать первый век. Таким образом, литературные направления представляли собой и прямой рефлекс, художественный ответ на исторические и социальные движения, на что также указывают и персонажи лишнего человека, маленького человека, кающегося дворянина и нового человека, через которых русские писатели преимущественно отмечали свои усилия по раскрытию идей и тенденций современного общественного момента и российской истории в целом.

В истории русской литературы персонажи лишних людей являются в диахроническом плане со времени появления Эраста Карамзина, через персонажей Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Герцена, Некрасова, Гончарова, Тургенева, до Проханова... В то же время лишние люди в русской литературе имеют в своем литературном профиле общие, но и новые черты личности, через которые они отмечают свою эпоху и ищут смысл жизни.

¹ marina.koprivica@yahoo.com

Рад је примљен 9. новембра 2020, а прихваћен за објављивање на састанку Редакције Зборника одржаном 24. марта 2021.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Внешний подход к изучению литературы; социально-исторические обстоятельства; связь литературных и исторических течений в России; лишний человек; отчуждение личности; эгоцентризм; острый взгляд на социальный момент; нигилистические отношения.

Литературные течения в России, как художественные рефлексии и комментарии к историческим течениям, напрямую связаны с определенными социальными моментами. В период романтизма, как знак подтверждения господства аристократического класса, писатели, темы и мотивы присутствуют именно из этого социального слоя. С дальнейшей демократизацией литературы в эпоху реализма оказались и писатели из низших социальных слоев, а критическое отношение к историческому моменту усилилось в связи с накопившимися социальными проблемами. При этом, помимо писателей аристократического происхождения, есть писатели из широких слоев, а помимо героев эпохи романтизма (аристократы, дворяне и аристократическая интеллигенция) – появляются персонажи крестьян, чиновников, слуг и других представителей низших социальных слоев. После восстания декабристов 1825 года, в России в 1840-х годах развивались демократические течения, особенно из-за влияния Московского и Санкт-Петербургского университетов, которые развили дух сопротивления феодализму. Тогда возникли два философских и литературных движения, славянофильство и западничество, как два существенных общественных ответа на перспективы российского шага в сторону Европы по сей день:

«Утверждая, что Россия значительно отличается от Западной Европы и превосходит ее по характеру своей культуры с ее особыми религиозными убеждениями, обычаями и политической системой, славянофилы кажутся довольно близкими к государственной идеологии и ее тройной формуле: православие, самодержавие и национальная идея. Но когда они прославляют русское прошлое до Петра Великого, они идеализируют его, и в некоторых моментах их учение не согласуется с официальными представлениями. [...] Помимо группы славянофилов, в том же университете формируется группа западников. Эти две группы, сначала живя в тесном контакте, вступают в борьбу друг с другом. Западники, в число которых входят также молодые писатели и ученые, но чьи идеи оказывают гораздо большее влияние и пользуются гораздо большей популярностью, вдохновляются, как и славянофилы, немецкой

философией. Но выводы, которые они делают, теперь совершенно противоположные. Они отказываются противопоставлять Россию Западу. Если Россия отличается от Западной Европы, то это потому, что она моложе, и поэтому отстает от нее. Она не только не должна противопоставляться западному миру, но и должна иметь возможность компенсировать упущенное время, заимствуя у Европы все, чего не хватает для полного развития ее культуры. В этом отношении реформа Петра Великого означала большой прогресс, поэтому западники, с энтузиазмом защищающие ее, решительно требуют ее продолжения.» (Miljukov, Senjobos i Ezenman, 2009, с. 454–455).

Особое значение имело и народничество, которое было потушено после убийства царя Александра II в 1881 году, а все эти исторические события нашли свое прямое отражение в русской литературе и в самом выборе типов литературных героев.

В широком разнообразии русской литературы XIX века, безусловно, наиболее часто представлены следующие типы литературных героев: *лишний человек*, *маленький человек*, образы дворянской среды, образы кающихся дворян и, так называемые, *новые люди*. По словам А. Б. Галкина, в числе первых персонажей, т. н. *маленького человека*, являются Самсон Вырин и Акакий Акакиевич Башмачкин. В качестве следующих вариаций типа *маленького человека* Галкин выделяет образ Максима Максимыча, Макара Девушкина, Семена Мармеладова и капитана Тушина.²

Что касается персонажей так называемых *лишних людей* в русской литературе, существует богатая и разнообразная галерея этих героев в диахроническом плане, в течение XVIII и XIX веков, начиная с творчества Карамзина до драматических героев Чехова, а большинство вариаций этих персонажей встречается в романах и пьесах Тургенева. Стоит отметить, что сам термин *лишний человек* был получен из названия одной из повестей Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850).

Среди фигур *лишних людей* в русской литературе XIX века наиболее яркими являются: Эраст («Бедная Лиза» Карамзина), Эсхин («Теон и Эсхин» Жуковского), Чацкий («Горе от ума» Грибоедова), Онегин («Евгений Онегин» Пушкина) Печорин («Герой нашего времени» Лермонтова), Бельтов («Кто виноват» Герцена), Агарин в поэме Некрасова «Саша», герои романов Гончарова, Обломов («Обломов») и Адуев Младший («Обыкновенная исто-

² Галкин А. Б. *Герои и сюжеты русской литературы 19 века: имена, образы, идеи*. http://lit.lib.ru/g/galkin_a_b/geroiisujetruslit.shtml

рия»). В творчестве Тургенева образ *лишнего человека* в значительной степени присутствует в большом количестве романов, рассказов и драм. После Чулкатурина, героя рассказа «Дневник лишнего человека», Тургенев варьирует тип *лишнего человека* в своих романах, настаивая на типизации. В «Рудине» *лишний человек* описан в образе главного героя, в «Дворянском гнезде» это Лаврецкий, в «Нови» Нежданов, а в «Накануне» это Инсаров. Хотя в литературной критике существуют противоречивые взгляды, Базаров, по нашему мнению, также принадлежит к галерее *лишних людей* в русской литературе. Главный герой романа «Отцы и дети» сформирован по его прототипу, Беляеву, из драмы «Месяц в деревне». Элементы персонажей *лишних людей* также встречаются в рассказах Тургенева, например, в «Асе», в образе анонимного рассказчика.

Персонажи *лишних людей*, в определенной степени, присущи и в творчестве других русских писателей XIX века. *Лишними людьми* являются и чеховские персонажи: Иванов в драме «Иванов» и Лаевский как пародийный персонаж *лишнего человека* в повести «Дуэль».

Все персонажи *лишних людей* также предстают в форме личностной конкретизации и возможного решения вопроса определенного социального момента, части российской истории и стоящих перед ней вызовов. Тем более, что, в отличие от своих героев, *лишних людей*, их создатели часто оказывались *лишними* писателями в родной стране, в царской России. Грибоедова заподозрили в участии в движении декабристов, а в русской истории и литературе записано намерение царя Николая I сделать Пушкина придворным поэтом:

«Несмотря на неблагоприятные условия труда, мощный гений Пушкина предстает во всей красе. Николай был в состоянии оценить его. [...] Возвращает Пушкина из ссылки, где он прожил несколько лет. Он ласково разговаривает с ним, обещает, что будет его единственным цензором, и, кажется, восхищается его работой и уважает ее. Но Пушкин вскоре заметил, что цензура царя не защищает его от обычных цензоров и третьей секции, и что они держат его рядом со двором только для того, чтобы лучше контролировать его. Он страдает от этого, но чувствует себя связанным благодарностью правителю, который вытащил его из изгнания. Мирская жизнь в Санкт-Петербурге, столь близко к двору, беспокоит и мучает его, и эта жизнь является причиной того, что он идет на дуэль, в которой нашел свою преждевременную смерть.» (Miljukov, Senjobos i Ezenman, 2009, с. 456–457).

Лермонтов, о котором Россия официально узнала, когда он впервые написал стихотворение о смерти Пушкина, часто бывал в ссылке, а в конце концов и он, как и Пушкин, был убит на дуэли.

В критике отмечалось, что *лишние люди*, как правило, имеют особое отношение к реальности: характерно их доминирующее интеллектуальное отношение к социальной среде, их умственная и интеллектуальная сила. Из-за наличия пассивности эти силы не выходят на первый план, и именно поэтому *лишние люди* гаснут при отсутствии желания воплощаться на практике. Таким образом, *лишние люди* обычно уходят из жизни как неудачники, и их отказ от любви к женщине специфичен; поэтому эти любовные отношения регулярно заканчиваются неудачей. Из-за отсутствия осознания своей собственной личности и в плане любви, *лишние люди* также проявляют пораженческое отношение к переходящей жизни, тем самым отрицая жизненные ценности в целом, оставаясь, как правило, одинокими, пессимистичными и отчужденными.

У *лишних людей* нет чувства большей эмоции и любви к простому человеку, то есть к героям, которые к ним привязаны, или к самым близким им людям, потому что у них нет чувства необходимости жертвовать собой ради других. Поэтому они исключили себя из социальной среды, которая, в свою очередь, также отвергает их. *Лишние люди* в русской литературе восемнадцатого и девятнадцатого веков описываются как замкнутые типы, осознавая свое интеллектуальное превосходство. Поэтому они также разрывают свои связи с социальной средой. *Лишний человек* находится в противоречии с обществом, у него заметна способность к самоанализу и с развитым осознанием своей индивидуальности через личную трагическую судьбу на фоне социальных обстоятельств в России в то время.

Главный герой рассказа «Дневник лишнего человека» Чулкатурин не только обладает всеми чертами, присущими этому типу, но он и определяет себя как *лишнего человека*: «я должен сознаться в одном: я был совершенно лишним человеком.» (Тургенев, 1977, с. 260).

Н. Добролюбов объясняет значение термина *лишний человек* в своей статье «Что такое обломовщина?» (Добролюбов, 1948, с. 90–126) подчеркивая отсутствие стремления к действию у нескольких *лишних людей*, как их характерную общую черту, со всеми существующими различиями, на которые мы более конкретно укажем в продолжении нашей работы.

Хотя в литературной критике до сих пор нет критических статей по этому вопросу, если говорить о хронологической последовательности изображения образа *лишнего человека* в диахроническом плане в русской литературе, то его прототипом, по нашему мнению, является Эраст из повести Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Эта сентиментальная новелла описывает любовный роман между Эрастом, которому надоела мировая жизнь, и молодой крестьянкой Лизой. На фоне диаметрально противоположных взглядов на жизнь, Карамзин рисует героя нового типа, Эраста, разочарованного молодого аристократа, который показывает свои слабости в минуты жизненных вызовов.

В драме «Горе от ума» Грибоедов описывает образ *лишнего человека*, Чацкого, в качестве одной из первых выдающихся фигур в русской драматургии. С одной стороны, Чацкий не принимает социальную среду, из которой он вырос, а с другой – эмоционально переживает роман с Софией. В своих монологах он раскрывает самые актуальные проблемы эпохи своего времени. В социальном плане Чацкий является яростным противником старой системы и превзойденных социальных представлений, нарушая тем самым гармонию московской жизни, а в конце драмы он сталкивается с возможностью выбора своего пути. Чацкий полностью не является образом *лишнего человека*, а скорее предшественником *лишних людей* Пушкина, Лермонтова и Тургенева.

В литературной критике, согласно нашему исследованию, прототип образа *лишнего человека* в творчестве Жуковского не замечен. В элегии «Теон и Эсхин» Эсхин представляет собой своего рода двойника Эраста и Чацкого, являясь одновременно и предшественником Онегина, Печорина и других образов *лишних людей*. Уже в 1814 году Жуковский фактически сформировал характер *лишнего человека*, а основным мотивом элегии является грусть героя, которому не удалось найти счастье в земной жизни, или ответ на вопрос: что такое настоящее счастье. На фоне осмысления этих существенных вопросов описаны и поиски смысла жизни следующих персонажей *лишних людей* в русской литературе.

Все образы *лишних людей* в основном связаны стремлениями к личному счастью и смыслу существования. На тех же основаниях, после долгих скитаний и стремлений к счастью, Эсхин возвращается к своему домашнему очагу и находит друга детства, Теона, которому жалуется, что «надежда обещала ему удачу» когда он отправлялся в путешествие, а выяснилось, что «надежда

хитрый предатель». Жуковский осветил фигуру Эсхина, по нашей оценке, как следующего *лишнего человека* в русской литературе, после Эраста. Автор апострофирует будущую константу психики *лишнего человека* – скуку Эсхина:

«И роскошь и слава, и Вакх, и Эрот - / Лишь сердце они изнурили; / Цвет жизни был сорван; / увяла душа: / В ней скука сменила надежду.» (Жуковский, <https://ilibrary.ru/text/1856/p.1/index.html>)

В характере Эсхина мы также узнаем еще одну характерную черту *лишнего человека* через слова Теона, который подчеркивает типичное презрительное отношение Эсхина к реальным жизненным ценностям. Теон выступает как голос разума всех будущих *лишних людей*, которые также в бесцельном поиске не нашли счастья и цели существования. Ни один *лишний человек* не нашел смысла жизни в любви, которая, как правило, заканчивается неудачей. Эсхин находится в элегии на заднем плане, но это не умаляет его типологического значения, потому что в его характере замечаются черты образа *лишнего человека*, который мог тогда служить Пушкину прототипом Онегина.

Относительно тезиса Белинского о том, что «Печорин – это младший брат Онегина», можно сделать предварительный вывод о том, что Эраст и Эсхин являются прототипами и Онегина и Печорина, и других персонажей *лишних людей* в русской литературе. Типы литературных героев, для которых характерно чувство отчуждения и избыточности в обществе, могли также возникнуть из психологической и нравственной структуры характера образа Эсхина. Персонаж *лишнего человека* был смоделирован на сложной и противоречивой природе.

Пушкин так изобразил и образ Онегина в городской среде, уподобляя на социальные обстоятельства как на внешний фактор формирования главных качеств *лишнего человека*. Социальные факторы в характере этого героя вызывают чувство его неспособности поставить себя выше паутины петроградской жизни дворян и духовно подняться над прозаической пустой жизнью. По инерции он ведет тщеславный, модный образ жизни, подчиняясь развлечениям, что приводит к сытости и типичному, узнаваемому чувству скуки у *лишних людей*.

Лишний человек не принимает пустую жизнь, у него критическое отношение к устоявшейся системе низких ценностей в общественной среде, которая отчуждает его и приводит к ощущению избыточности. В то же время эти отношения отделяют его от

такой среды, причем на первый план выходит его индивидуализм. *Лишние люди* убеждены, что они принадлежат к высшему миру, хотя им одновременно не удастся развить свои существующие ценности. Они не могут освободиться от бремени бессмысленности в поисках ответа о смысле жизни, причем жизненные ценности для таких персонажей являются недостаточными. Чувство духовного и интеллектуального доминирования над обычными людьми приводит их в состояние изоляции, а это является обыкновенной историей всех *лишних людей*, в частности Онегина и Печорина.

Осознавая состояние самоизоляции, которое они привнесли в свою жизнь, *лишние люди* попадают в различные формы самоуничтожения. Их усилия по предотвращению самоизоляции недолговечны, потому что они недостаточно настойчивы и недостаточно ориентированы на достижение своих основных исканий жизни. Из-за непоследовательности в осуществлении поставленных целей *лишние люди* становятся более огражденными и отчуждаемыми от социума.

Ощущая бесцельность жизни, *лишний человек* чаще всего рационален, редко романтичен, и это еще одна точка соприкосновения таких персонажей, которые испытывают недолговечную страсть, а более глубокие и продолжительные чувства для них несостоятельны. Краткий восторг превращается в равнодушие: Онегин, а затем Печорин и Обломов демонстрируют такую же неспособность верить в любовь, неспособность поддаться этому чувству из-за страха ответственности, но также и страха потерять свою свободу. Этим также выражается и подсознательное стремление *лишних людей* освободиться и дистанцироваться от всех обязательств, которые влечет за собой любовный роман или брак.

Несоответствие разума и эмоций, а также самой воли, является самым большим препятствием для интеллектуального и духовного развития *лишнего человека*. Скука и равнодушие, а также отчуждение личности образуют константы его профиля. В этом свете Онегин является типичным представителем молодежи своего времени и среды, причем Пушкин изображает картину жизни части русской дворянской интеллигенции. Лермонтов конкретно определит это в связи с характером Печорина во введении к «Герою нашего времени». Интеллектуальные потенциалы *лишнего человека* Пушкина и Лермонтова не подтверждаются

в социальный момент и вызывают чувство насыщенности, безволия. Н. Пospelов считает, что *лишние люди*:

«поднявшись на уровень выше среднего, они, тем не менее, оказались неспособны бороться за жизнь и потерпели крах в личной и общественной жизни. Причины их появления во многом были связаны с социально-политическими условиями жизни, которые мешали этим людям найти свое место в жизни». (Пospelов, Шаблиовски и Зерчаинов, 1947. с. 343.)

Н. Добролюбов одним из первых более конкретно определил понятие *лишнего человека*, который, по его оценке, таков:

«Тип людей, которые не находят возможности применить свои потенциальные способности выше среднего, потому что им не позволяют объективные условия в обществе, к которому они относятся критически. [...] *Лишний человек* проявляет себя и по отношению к людям, образованию и работе. [...] Он относится к людям с высокомерием. Он их недооценивает и ведет себя высокомерно. По отношению к женщине он эгоист, [...] не принимает на себя никаких обязательств и, как правило, избегает брака. Образование *лишних людей* поверхностно. Их отношение к работе бессистемно. Им не хватает настойчивости. Вот почему, хотя много того из их среды не принимают и отрицают, они не способны на эффективные, конструктивные действия для устранения недостатков и во имя позитивных изменений в обществе». (Добролюбов, 1982, с. 25.)

Принцип сравнения, безусловно, является одной из основ анализа характеров *лишних людей*. Их психологические портреты были написаны русскими писателями по-своему, но одновременно в соответствии с их предшественниками, с необходимыми контрастами. Несоответствие в характере *лишнего человека* и его, в значительной степени, разделенная личность лучше всего иллюстрируются противоречием мыслей и чувств, сопровождаемых неадекватными действиями. Это несоответствие присуще Эрасту, Эсхину, Онегину, Печорину...

Сербская русистка, Мила Стойнич, делает вывод о герое Пушкина:

«Образ Онегина развивается в непосредственном действии, в контактах и столкновениях с людьми и внешностью, в его разносторонности отношений, которые ему навязывает жизнь, в любви, дружбе и трагическом эпизоде поединка с Ленским. Онегин выходит из своей оболочки критического и циничного отношения и возвращается к ней, он всегда движется в одном направлении,

подтверждая тем самым свои уже выраженные взгляды и отношения». (Стојнић, 1972, с. 42.)

Эта точка зрения Милы Стојнич также поддерживает вывод о том, что *лишние люди*, как правило, всегда сосредоточены на сохранении своей свободы любой ценой с чувством духовного превосходства. Из анализа черт характера *лишних людей*, общий вывод состоит в том, что Эраст, Эсхин, Онегин, Печорин и другие, вплоть до Аркадия Веронова, главного героя романа «Гость» Проханова, потерпели поражение в момент осознания того, что их судьба определяется трагизмом, а их существование становится бессмысленным. С точки зрения сложной индивидуальной структуры, хотя доминирует в своей среде, *лишний человек* все же побежден объективной социальной реальностью. Постоянным в его эмоциональном мире становится чувство избыточности, которое приводит к отчуждению личности, с растущими чувствами бессилия, скуки и отсутствия цели.

Печорин является типичным представителем своего поколения 30-х годов девятнадцатого века, который, с его выраженным интеллектом, культурный и образованный, чувствует большой потенциал своей личности, который отключен в самом корнем строгим режимом Николая I, а также влиянием социальной среды. Печорин – типичный *лишний человек*, склонный к анализу и самоанализу, превосходящий других, но также содержащий свое чувство избыточности в типичной среде, где он не может реализовать свои собственные ценности.

Как мы уже отметили в нашей работе, после спора, вызванного первым изданием романа «Герой нашего времени», Лермонтов во втором издании опубликовал Предисловие с основным выводом, что описал не одного человека, а «портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии.» (Лермонтов, 1996, с. 7–8.).

Подчеркнутая способность автоанализа позволяет Печорину на страницах дневника сделать вывод, что он чувствует силу для высоких обязанностей, но которых он не раскрыл, и не знает, для каких целей он был рожден. Такой разницей между возможностями и их реализацией приводит его к длительному состоянию фрустрации, что приводит к конфликтам с героями, к которым Печорин чувствует себя равнодушным, причем называет себя «моральной калекой», лучшая половина души которой, как он говорит, «засохла и умерла». Белинский пишет об этом:

«В нем постоянно звучат внутренние вопросы, беспокоят его, мучают его, и он в раздумьях ищет их решение: он внимательно следит за каждым движением своего сердца, анализирует каждую свою мысль». (Бјелински, 1948, с. 75)

Тургенев пишет о лишних людях в России в чрезвычайно сложный социальный момент. Он начал творить в тени великого поражения царской России в Крымской войне (1853 г.), а свой величайший роман «Отцы и дети» написал в год отмены крепостного права (1861 г.) – процесс, который был фиктивным и привел к новым проблемам в российском обществе.³

Литературные герои Тургенева своими поступками, особенно нигилистическим отношением к социальному моменту, демонстрируют отсутствие стремления к существенному вовлечению в решение сложных социальных событий. Вот почему, несмотря на свои интеллектуальные и духовные качества, они оказываются на обочине общественных мероприятий.

После образа Чулкатурина («Дневник лишнего человека») Тургенев продолжает тему *лишних людей* в романе «Рудин» (1856). Как и его предшественники, Рудин противостоит обществу и общественным ценностям, но также является носителем новых идей. Он хочет работать, чтобы достичь идеалов, но, несмотря на свой энтузиазм, он не имеет правильного отношения к жизненным ценностям и не может претворить свои идеи в жизнь. Нереализуемость и отделение идеалов от конкретной жизни делают Рудина *лишним человеком*.

Хотя существуют противоречивые мнения, мы считаем, что главный герой романа «Отцы и дети», Базаров, тоже является одним из персонажей *лишних людей* в русской литературе. Превратив Беляева, героя драмы «Месяц в деревне», в своего самого известного героя, Базарова, Тургенев обсудил концепцию нигилизма. Базаров отказывается от всех принципов и традиций русской дворянской культуры, занимается медициной, признавая только то, что эмпирически доказуемо, романтизм отождествляет с бессмыслицей, а музыка, живопись и любовь – для него пустяки, где можно просто наслаждаться, как едой или вином. Для него литература и искусство – пустая трата времени, и он

³ Јелачић, А. (2008). Историја Русије. /фототипско изд. из 1929./ Београд – Бања Лука: Бард-фин – Романов. стр. 217–228. (примечание: Более подробно об отмене крепостного права в России пишет и Василий Олегович Ключевский в своей «Истории России», с. 297–308.).

признает только естественные науки: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта». (Тургенев, 2004, с. 158)

Базаров отвергает принципы, которые могут ограничивать свободу личности, но противоречие в его характере является результатом его новых поступков, с которыми он отбрасывает свои принципы. Он никого не боится, но никого не любит, и именно поэтому его действия по отношению ко всем безжалостны. Он также не сдается любви, и поэтому делает вывод: «Сам себя не сломал, так и бабенка меня не сломает». (Там же, с. 244)

В общем, Базаров, хотя он не дворянин, а разночинец, принадлежит к галерее лишних людей в следующем: он более образован, чем социальная среда в которой он движется; конфликтует с представителями консервативного общества и имеет чувство превосходства над другими персонажами; он не коммуникабелен, и не проявляет привязанности даже к своим родителям, а в искушениях любви не достигает счастья. Его поведение также отражает социальные взгляды многих молодых людей в России в XIX веке: он глубоко недоволен жизнью, и ему не удастся реализовать свои духовные и интеллектуальные способности несмотря на присущие желания. Базаров не может найти себя и остается исключенным из социальной среды, одиноким, а консервативное общество отвергает его, как Чацкого, его предшественника, который тоже не смог внести изменения в свою общественную среду.

Обломов является одним из самых ярких образов в галерее *лишних людей*. Он формировался как воплощение социально-нравственного развития дворянства, которое живет паразитически за счет крестьян, а это его привело к апатии, лени и отсутствию мотивации для какой-либо полезной деятельности. Реальный отход Обломова от обобщенной черты *лишнего человека*, который восстает против существующего положения дел, состоит в том, что он не хочет участвовать в реальной жизни за пределами своей заброшенной квартиры или выходить из апатии, обломовщины.

Писарев делает свою классификацию *лишних людей*, различая апатию героев байронического типа и обломовщину:

«Во втором случае является апатия покорная, мирная, улыбающаяся, без стремления выйти из бездействия; это – обломовщина, как назвал ее г. Гончаров, это болезнь, развитию которой способствуют и славянская природа и жизнь нашего общества.». (Писарев, 1962, с. 6)

В связи с обломовщиной, как одной из характерных черт *лишних людей*, Добролюбов пишет в своих «Литературно-критических статьях» в статье «Что такое обломовщина»:

«Мы имели в виду более обломовщину, нежели личность Обломова и других героев. Что касается до личности, то мы не могли не видеть разницы темперамента, напр. у Печорина и Обломова так же точно, как не можем не найти ее и у Печорина с Онегиным, и у Рудина с Бельтовым... [...] Но дело в том, что над всеми этими лицами тяготеет одна и та же обломовщина, которая кладет на них неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете. [...] Дело в том, что теперь-то у них всех одна общая черта – бесплодное стремление к деятельности, сознание, что из них многое могло бы выйти, но не выйдет ничего... В этом они поразительно сходятся.» (Добролюбов, 1948, с. 111)

Общая черта *лишних людей*, о которой мы уже говорили, – это их превосходство в общественной среде. Но, у Обломова, наоборот, доминирует постоянное чувство неполноценности из-за его бессильной и незначительной позиции. В то время как Чацкий, Онегин, Печорин и Базаров готовы разрушить старые нормы и системы, готовы к социальным изменениям, хотя и недостаточно настойчивы в этом плане, Обломов не хочет новых вещей в своей жизни или каких-либо изменений, которые могли бы нарушить его апатичную колею.

Сербский критик Драган Неделькович трактует образ жизни Обломова как «инстинкт смерти», стремление к «вечному покою». По словам Недельковича, обломовщина глубоко укоренилась в человеческой природе как «скрытое тайное желание навсегда остаться детьми, жить в идиллическом мире». (Неделькович, 1973, с. 153)

Глядя на галерею персонажей *лишних людей* в русской литературе от Эраста, через Эсхина, Онегина, Печорина, к героям Тургенева (Чулкатурин, Рудин, Базаров и др.), а затем к Обломову, мы можем сделать вывод, что русские писатели этому типу литературных героев уделили значительное внимание.

Всех этих героев в социальной среде связывает их отношение к реальному социальному моменту и историческим движениям. В частности от эпохи сентиментализма до последней фазы критического реализма в конце девятнадцатого века эти герои по-разному относятся к социальным проблемам самых широких социальных слоев России. Некоторые из них являются бунтовщиками, а некоторые фаталистически принимают статическую

социальную ситуацию, пытаюсь решить только личные, эмоциональные проблемы. Такое двойственное отношение к обществу одновременно отмечает их прогрессивное или пассивное отношение с отсутствием веры в социальные изменения. Герои Тургенева в значительной мере обращаются к событиям в российском обществе, но в свете нигилистического осмысления действительности, а у героя Проханова, Аркадия Веронова, есть тоже похожая ментальная матрица.

В этом контексте нами сделана попытка проанализировать образ *лишнего человека* в романе «Гость» (Проханов)

Среди сочинений Проханова, роман «Гость» безусловно занимает значительное место, в частности из-за концепции образа главного героя, Аркадия Веронова, в поступках которого олицетворены существенные жизненные взгляды *лишних людей*, его предшественников. Как его предшественники, и Веронов интеллектуально превосходит социальную среду, обрекая себя на одиночество и отталкивающее отношение к ней. В то же время он борется с ложной моралью, против маскировки ложных ценностей в общепринятых нормах интеллектуальной и художественной среды. Веронов эксцентричный эксгибиционист в физическом и духовном смысле, у которого есть фиксированная идея, что его роль состоит в том, чтобы своими перформансами, то есть, новым видом искусства, давать пощечины общественному мнению и ложному вкусу.

Черногорский критик Драган Копривица, который перевел роман Проханова «Гость» на сербский язык, пишет в своем послесловии, что Веронов

«своими странными действиями в виде лакмусовой бумаги освещает современный социальный момент и течения в теперешней противоречивой России. В поисках смысла своего существования Веронов одновременно выступает в качестве барометра современного российского момента и взглядов России на прошлое, настоящее и будущее страны, на ее поиски и странствия, победы и поражения». (Копривица, 2018, с. 174)

Веронов является раздвоенной личностью, с признаками диссоциативного расстройства отчужденного героя, а эта черта присуща его предшественникам, *лишним людям*, в частности, Базарову, который тоже не может достичь настоящих отношений даже и в своей семье.

У него есть несколько точек соприкосновения с Раскольниковым, которого, и по словам Галкина, можно отнести к галерее *лишних людей*. Веронов тоже находится в личном расколе за и *против* своей идеи. В то время как Раскольников задает себе вопрос, можно ли пролить кровь на благо человечества, Веронову известно, что своими перформансами неоднократно затрагивает трагедии людей по всей России. Но, в отличие от Раскольникова, у него нет чувства вины или раскаяния.

Веронов имеет точки соприкосновения со своими предшественниками, *лишними людьми*: Онегин, Печорин и герои Тургенева проявляют активное отношение к обществу и определяют себя к нему. В то же время они являются отчужденными персонажами, неспособными к естественному контакту с окружающей средой, а их превосходные интеллектуальные положения одновременно являются барьером для других героев.

Профилирование характеров *лишних людей* в русской литературе, как общий знаменатель, характеризует пораженческий конец их активной жизни, но по-разному. В любом случае, *лишние люди* уходят из общественной жизни, побеждены растущим пессимизмом, не находя реальной ценности в осмыслении своего существования, отмечая, что в свою эпоху не могут изменить консервативный социальный климат и не могут запустить колесо истории. Рассматривая галерею *лишних людей* в русской литературе, общие черты таких персонажей, их судьбу и психологически мотивированные поступки, мы можем сделать несомненный вывод о том, что по образам *лишних людей*, по их действиям, отношению ко всему обществу и по трактовке смысла жизни в целом, можно ясно увидеть и соответствующий общественный момент, сложный климат определенного социального момента и его перспективы.

ИСТОЧНИКИ Гончаров, И. А. (1967). *Обломов*. (превод Милован Ђ. Глишић). Београд: Нолит.

Жуковский, В. А. Теон и Эсхин. Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1856/p.1/index.html>

Лермонтов, М. Ю. (1996). *Герой нашего времени*. Прозаические и драматические произведения. Избранные сочинения в трех томах, Т. 3. Москва: Русская книга.

Проханов, А. А. *Гость*. Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-aleksandr-prohanov/155607-gost-aleksandr-prohanov/read/page-1.html>

Тургењев, И. С. (1977). *Дневник сувишног човека*. (Изабрана дела у десет књига. К. 2. Приповетке) (превод Петар Драговић). Нови Сад: Матица српска.

Тургењев, И. С. (2004). *Уочи нових дана; Очеви и синови*. (превод Зорка М. Велимировић, Милош С. Московљевић). Подгорица: Daily press.

СПИСОК ЛИ-
ТЕРАТУРЫ

Ђелински, В. Г. (1948). *Књижевно-критички чланци*. (превод Марко Видојковић). Београд: Култура.

Вулетић, В. (1971). *Руска књижевност 19. века, од Жуковској до Гољоља*. Београд: Научна књига.

Галкин, А. Б. *Герои и сюжеты русской литературы 19 века: имена, образы, идеи*. Режим доступа: http://lit.lib.ru/g/galkin_a_b/geroiisujetruslit.shtml

Доброљубов, Н. А. (1948). *Шта је одломовићина?* Књижевно-критички чланци. (превод Мирослав Марковић). (90–126). Београд: Култура.

Доброљубов, Н. (1982). (преузето из студије М. Сибиновића: *Евѣнције Оњѣтин* Александра Пушкина. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.

Јелачић, А. (2008). *Историја Русије*. /фототипско изд. из 1929./ Београд – Бања Лука: Бард-фин – Романов.

Кључевски, В. (1997). *Историја Русије*. (с руског превоо др Милорад Ђирковић). Београд – Подгорица: НИУ Службени лист СРЈ – ЦИД.

Копривица, Д. (2018). *Поговор*. У: Александар Андрејевић Проханов. *Госи*. Подгорица: Матица српска – Друштво чланова у Црној Гори.

Miljukov, P., Senjobos, Š. i Ezenman, L. (2009). *Istorija Rusije*. Zagreb /ponovljeno izdanje: Београд: Народна култура, 1939/.

Недељковић, Д. (1973). *Тријумф верности у „Обломову” И. А. Гончарова*. Универзалне ѱоруке руске књижевности. Нови Сад: Матица српска.

Писарев, Д. И. (1962). *Изабране студије и расправе*. (превод Милосав Бабовић). Београд: Култура.

Поспелов, Н., Шаблиовски, П. и Зерчањинов, А. (1947). *Сћара руска књижевности*. Књ. 1. (превод Блажо Вукићевић). Београд: Просвета.

Стојнић, М. (1972). *Александар Сергејевић Пушкин*. У: *Руски ѱисци 19. и 20. вијека*. Књ. 1. Сарајево: Завод за уџбенике.

МАРИНА М. КОПРИВИЦА
САМОСТАЛНИ ИСТРАЖИВАЧ
НИКШИЋ
ЦРНА ГОРА

РЕЗИМЕ

ЛИКОВИ СУВИШНИХ ЉУДИ У ИСТОРИЈИ РУСКЕ КЊИЖЕВНОСТИ (У СВЈЕТЛУ СОЦИЈАЛНО-ИСТОРИЈСКИХ ОКОЛНОСТИ У РУСИЈИ ОД ХVIII ДО ХХI ВИЈЕКА)

У свјетлу спољашњег приступа проучавања књижевности, однос друштвених збивања према настајању књижевних дјела и књижевних јунака посебно је присутан у историји руске књижевности, која представља и снажан одраз друштвених околности и промјена од осамнаестог до двадесет првог вијека. На тај начин књижевни правци су представљали и директан рефлекс, одговор на друштвена кретања, а на исти начин и ликови сувишног човјека, малог човјека, племића покајника и новог човјека, преко којих су руски писци доминантно обиљежили своја настојања да препознају поруке и тенденције одређеног историјског тренутка. У историји руске књижевности ликови сувишних људи присутни су у дијахронијској равни још од појаве Карамзиновог Ераста, преко ликова Жуковског, Грибоједова, Пушкина, Љермонтова, Херцена, Њекасова, Гончарова, Тургенева, до Проханова... Истовремено, сувишни људи у руској литератури имају у својим књижевним профилима заједничке, али и нове црте личности, преко којих обиљежавају своју епоху и трагања за смислом живота.

Кључне ријечи: Спољашњи приступ проучавања књижевности; друштвено-историјске околности; повезаност књижевности и историјских токова у Русији; сувишни човјек, алијенација личности; егоцентризам; критички поглед на друштвени тренутак; нихилистички обојени поступци.

Овај чланак је објављен и дистрибуира се под лиценцом Creative Commons Ауторство-Некомерцијално Међународна 4.0 (CC BY-NC 4.0 | <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

This paper is published and distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution-NonCommercial International 4.0 licence (CC BY-NC 4.0 | <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).